

Вадимир Трусов

ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ...

Стихотворения

Вадимир Трусов

Это еще не все...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12197194
ISBN 9785447428365*

Аннотация

Каждый из нас обладает исключительным правом – быть самим собой. Но существуют ещё и предлагаемые жизненные обстоятельства, в коих осуществить это право совсем непросто, а порой и практически невозможно, ибо за такую привилегию приходится платить непомерно высокую цену. И даже стать самим собой удастся далеко не всякому. Найти и не потерять себя в повседневной жизни, не окаменеть сердцем и душой, сердцем ощущать связь с родной землей, во многом именно этому посвящена поэзия Вадимира Трусова.

Содержание

«Оттепель. Выкрутасы скупой зимы...»	6
Осеннее бесприютное	8
Классическая механика	11
Осеннее неизбежное	13
«Эх, родимая сторонка...»	15
К слову	17
«Это смешно, наверное?»	18
«Суконный космос мокрых дел...»	19
«Когда хмель их морды перекошил...»	22
«Не прощай нам, Господи, ничего!»	23
«Маленький город...»	25
Мольба	26
«Я и не знал, на что способен огонь...»	27
«Мы победили. Значит, была война?»	28
«Дорогой грамотей...»	29
«Нынче поздно весна заглянула к нам...»	30
Весёлая карусель	31
«У меня на кухне гроза...»	32
«Скоморохи постарели...»	33
«Когда стихнут крики: «Уймись!...»	34
«Взять бы тачку, да покруче...»	35
«Обломали Обломова за вселенскую лень...»	37
«Отпускные бесследно канули...»	38

Рецепт исполнения желаний	40
Новогоднее	42
Застольное	46
«Царство вечных вещей...»	48
«Волчья тропа с понедельника до субботы...»	50
«Граждане, рысью!»	52
«Вновь ни выдоха, ни вдоха...»	55
Фрагмент биографии	59
Пунктир	61
«Снег за окном липкой стеной...»	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Это еще не все...

Стихотворения

Вадимир Трусков

© Вадимир Трусков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каждый из нас обладает исключительным правом – быть самим собой. Но существуют ещё и предлагаемые жизненные обстоятельства, в коих осуществить это право совсем не просто, а порой и практически невозможно, ибо за такую привилегию приходится платить непомерно высокую цену. И даже стать самим собой удастся далеко не всякому. Найти и не потерять себя в коллизиях повседневной жизни, не окаменеть сердцем и душой, ощущать кровную причастность к судьбам Родины и народа, во многом именно этому посвящена поэзия Вадимира Трускова.

«Оттепель. Выкрутасы скупой зимы...»

Оттепель. Выкрутасы скупой зимы.
Впору бы снега или просить займы,
Или купить. Да видишь ли, братец мой,
Нет ничего дороже, чем снег зимой.

Вот и сегодня он пополам с дождём.
Ладно уж, настоящего подождём.
Пусть ожидание может продлиться год,
Стерпим и это. Сколько еще забот,

Кроме погоды! Если бы лишь она
Определяла лучшие времена,
Всем, очевидно, было бы по душе
С милыми рай устраивать в шалаше,

Где потеплее, скажем, в субтропиках.
Если же наше счастье у нас в руках,
Что ж мы доселе счастья не обрели,
Не уступив ни пяди родной земли

На побережье северном? Я о том,
Что оно южное. Впрочем, житейский шторм
Часто опаснее тех, что несёт Гольфстрим.

Знать, о погоде попусту говорим.

Осеннее бесприютное

На задворках сентября
Хохлома и гжель.
Через месяц, растеряв
Щедрых сторожей,
Приносивших на базар
Фрукты Гесперид,
Осень выплачет глаза
И дотла сгорит.

Вот тогда наверняка
И зиме пора
(То ли прямо из мешка,
То ли из ведра)
Рассыпать по целине
Крошево тоски
И тоской тебе и мне
Серебрить виски.

Или сбавить под сукно
Грязь невинных лет.
И надежду (всё равно
Что озимый хлеб)
Оставлять на чёрный день,
Иссушив сердца

Неустроенных людей
Верой в чудеса.

А потом сходить с ума
От самой себя
И раскачивать дома,
Воя и трубя
В продувных парадняках;
И встречать рассвет,
Убаюкав на руках
Наш пропавший век,

Где душа белым-бела,
Только извелась.
И любовь (поскольку зла)
Мигом отдалась
За двадцатку нерублей
Ради пары строф.
Так значительно теплей
Без угля и дров.

Не убитый субботний вечер:
Уйма времени – сколь ни трать.
Нарисованный человечек
Заперт в клетчатую тетрадь,

Где и в будни-то жизнь – малина
С нарисованного куста.

Календарного равелина
Олимпийская глухота

Искушает взроптать любого:
Мол, достоин судьбы иной,
Пригодился бы для альбома
Хоть картинкой переводной

И на фото мог выйти чётко,
Коль подкрасить да причесать...
Даже я, на Доске почета
Отказавшийся закисать,

По страницам воспоминаний
Пробиваю неровный шлях,
Разрушая диагонали,
И витийствую на полях,

Рассыпая чернильный кашель,
Бесполезный наверняка.
Но бывалая промокашка
Осторожного языка

Сохраняет от мира в тайне
(Я ведь истинный партизан),
Что появится золотая
И раскрасит мои глаза.

Классическая механика

Выскажусь лишь о следствиях, а причины —
Хлеб аналитиков цепких, порою — злющих...
Взлёт — это средство разгладить земле морщины,
Хоть виртуально, а всё же пространство сплющив,
В жизнь воплотив иллюзию волшебства.
Впрочем, а что ещё более иллюзорно?
От впечатлений кружится голова.
Только уже поэтому не зазорно
Числить внизу оставшихся мелюзгой,
Напрочь лишённой размеров и очертаний.
Для таковых, естественно, ты изгой,
Но приговор до времени держат в тайне,
Ибо вообще горячку пороть не след.
Небо, оно воистину справедливо.
После Икара стоя его коллег
Крылья в стремлении к солнцу дотла спалила,
Да и в забвение канула. Неспроста
Равно идейным подвижникам и туристам
Втридорога обходится высота.
Вот почему, наверное, группа риска
Численно ограничена. Рухнуть вниз
(Если бы камнем! — просто ошметком глины),
Преподавая смирно лежащим ниц
Краткий урок неведомой дисциплины,

Мало кому охота. Рассудит Бог
Нас и решивших, будто сгореть красиво
Лучше, чем ошиваться среди рабов
С детства знакомой, даже законной, силы.

Осеннее неизбежное

Выйди на улицу – мигом поднимешь ворот,
Да и рванёшь, в походку вплетая бег.
Юго-восточный нынче штурмует город,
Ливень створожив в первый как будто снег.
Это всего лишь милый каприз осенний,
Шторм в Заполярье дышит куда сильнее!
В общем, с погодой издавна здесь веселье,
Волей творца озёр средь сплошных камней.

Славная всё-таки девушка – Монче-тундра!
Сколько сердец разбито и пленено!
Сладить с красавицей, ох, как порою трудно!
И на любви споткнуться немудрено.
Страсти, всерьёз поклонников укатавшей,
Вечная память – главная из примет.
Значит, не зря сказал мне братишка старший,
Что отставных мончегорцев в природе нет!

«...с подлинным верно». Частности отмечая,
Впору скрижаль тревожить лихой строкой.
Разве сравнится с ней похвальба пустая
(Нам, дескать, местным, разницы никакой,
Стихнет стихийное гульбище в поднебесье
Или шарахнет сызнова по своим!),

Коль зачастую даже словами песни
Благоразумно жертвовать норовим.

Осенью здесь что ни день – коротышка мгlistый,
Толком-то и в глаза ему не взглянуть.
И вместо солнца, сникшего по-английски,
Для воспаленно верящих в светлый путь,
Дальний прожектор, если однажды выстрелит,
Не уточняя, где окопался враг,
Только по озеру тропку всего и выстелит —
Тропку, с которой шаг вправо, шаг влево – мрак.

«Эх, родимая сторонка...»

Эх, родимая сторонка,
То грязища, то снега,
Блеф невидимого фронта,
Тень заклятого врага,
Без которого, пожалуй,
Околеть немудрено.
Точно с плёнки залежалой
Антикварное кино,
Жизнь сварливо суетится,
Только будто бы во сне.
Ну, при чем тут тройка-птица?
Тот, кто нынче на коне
Уж давно отсель далече,
След простыл, ищи-свищи.
Проще всласть расправить плечи
Развалившись на печи.
Но зато уж по субботам
В клубе танцы под баян.
Вряд ли праздник выйдет боком,
Если кто напьется пьян.
Значит так ему и надо.
Пьянка тоже мастерство.
Нам Канада и Гренада
Все едино – баловство.

Здесь куда как веселее,
Хоть и тошно иногда.
Глянь, в соседских пальцах тлеет
Вифлеемская звезда
От затяжки до затяжки.
Благо, что тмутаракань.
Лишь жестокие мультяшки
Топчут старенькую ткань
Запыленного экрана.
Может статься, что и впредь
Удлинённая программа...
До конца не досмотреть.

К слову

Я живу потому, что когда-то рождён,
И господь меня грешного терпит покуда.
А ещё оттого, что любовь (убеждён!) —
Это всё-таки самое главное чудо.

Не снискал я регалий и прав не качал:
Обрету всенародную, дескать, известность.
Ибо чтящему слово началом начал
И наградою может быть только словесность.

«Это смешно, наверное?»

Это смешно, наверное?
Нет уж! Скорее – скверно.
Просто в моей голове
Присутствует некая лошадь.
Она соскучилась по траве
Она копытами череп мой крошит,
Она превращает в пену
Мой жидковатый мозг.
О, если бы я ее выпустить мог!
И она навсегда бы ушла,
Оставив в покое
Несчастную голову,
Начиненную навозом,
С конским волосом пополам.

«Суконный космос мокрых дел...»

Суконный космос мокрых дел,
Преданья преданных напрасно...
Инстинкт навязчиво гундел
За жизнь, которая прекрасна

И не настолько коротка,
Когда, познав судьбы стервозность
(Помилуй, боже, дурака
И сократи опасный возраст!),

Себя научишься беречь,
Юлить, выплёскивая локти
Меж остальных; кривую речь
Дрессировать в лужёной глотке.

Авось понадобится вдруг?
Увы, механика простая:
Соврать – недорого берут,
И, тем не менее, хватает

Желудок полным соблюсти
(Мечта с рождения костистых)
И, в обескровленной горсти
До хруста корм подножный стиснув,

Унять разборчивую злость.
Оно весьма, положим, кстати,
Что ничего не началось,
Что *докладать* о результате

Кому б то ни было теперь
Вдвойне смешно; еще важнее,
Что я опять перетерпел,
Считая нормой ахиною.

Смотри, звезда моя, смотри!
Гори со всеми потрохами!
Как те ночные фонари
В рабочий полдень полыхали;

Кипи, затравленная ртуть —
Слеза зеркал неугасимых!
И пусть внештатные плетут
Шустрей тачаночных максимов,

Телеграфируя восторг
Национального единства,
Пусть тарахтит всеобщий торг,
Где даже черствый бородинский

Не достается задарма!
А я, совсем обычный русский,
Схожу по-своему с ума,

Без ваших правильных инструкций.

«Когда хмель их морды перекосил...»

Когда хмель их морды перекосил,
Я, упрятав поглубже тлеющий глаз,
Рванулся из пепельницы, что есть сил,
И стремглав покатился на край стола.

И ушел! В падение! В пустоту!
На паркета замызганного янтарь,
Сгоревшей бумагою щёк на лету
Ощущая, что правильно рассчитал.

Но рукою пьяной (ей хоть бы хны)
Подхваченный ловко и воткнутый в рот,
Хлебнул с покрашенных губ слюны
И в помойное был водворен ведро.

Вот и все. И снятый с повестки дня,

Я глотал недоеденной пищи гной
И тонул. Чтобы наутро меня
Из картонной пачки достали вновь.

«Не прощай нам, Господи, ничего!»

Не прощай нам, Господи, ничего!
И когда десятком на одного,
И когда один супротив толпы,
И когда умаслит кривой слепых:
Зоркость, де, от бедности не спасёт,
А во тьме сойдёт на продажу всё,
Или от народа добро сгноят!
Коль не оскудеет рука твоя,
Наши не отсохнут. А ну, ещё!
Эх, азартно, весело, горячо,
Копошилась куча – мала – гурьба!
Ну, из скольких выдавили раба,
Пояса советуя затянуть?
Ни к чему вытаптывать верный путь!
Хлёстко бы, да скоро, да широко!
Ожиданье в снятое молоко
Превратит в итоге любой нектар!
О похожем смолоду я мечтал
Да окстился вовремя. Может быть
Шуранул зазря поперёк судьбы,
Только так, он, по всему честней.
И какой я крови, от чьих корней,
Забывать мне или таить не след,
Особливо здесь, на своей земле,

Где навзрыд порою душа поет.
Знать я отъюлил, отолгал своё,
Хоть, по меньшей мере, надежда есть,
Если речь ершистую взялся весть,
И не захлебнулся пока слюной.
Пусть беда шуршит по пятам за мной.
Заварить бы солнцем тугу – печаль...
Ничего мне, Господи, не прощай!

«Маленький город...»

Маленький город,
Стеклянный насквозь, —
Общий дверной глазок.
Ежели кто заколотит гвоздь
Или чихнёт разок,
Где эта улица, где этот дом,
Сразу любой поймёт.
Тайны чужие — они, пардон,
Точно целебный мёд,
Нас выручающий в холода...
Что же стряслось со мной?
Где эта барышня, навсегда
Ставшая мне родной?
Не отыскать! Хоть кричи: Ау-у!
Нищий смешной простак.
Верно, помстилось, и наяву
Было совсем не так?
Поиск надежды — напрасный труд,
Ибо пуста скрижаль,
Сердце немеет, гадалки врут,
Да и себя не жаль.

Мольба

Забудь меня ещё тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданьям
Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданием
Негоже потакать зверю.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой – уже застрелен.

«Я и не знал, на что способен огонь...»

Я и не знал, на что способен огонь,
Покуда к тебе не сорвался тропой огня.
И, собирая порох души в ладонь,
Я заклинаю: «Не убивай меня!
Ты это всегда успеешь. Куда я теперь уйду?
Я, отыскавший лучшую из планет».
И если, спросив однажды, в точку не попаду,
Не торопись, пожалуйста, холодно бросить: «Нет».

«Мы победили. Значит, была война?»»

Мы победили. Значит, была война?
В мёртвой воде безумия по колено
Я возвращаюсь туда, где ты совершенно одна.
И озираюсь затравленно: Лена! Лена! Лена! Лена!
Где же ты, Лена? Быстрее! Я набрал секунд про запас.
Мне надо к тебе успеть и многое рассказать...
Но ты отвечаешь, что мне лучше сейчас лечь спать...
И рушатся веки на стершиеся глаза.

«Дорогой грамотей...»

Дорогой грамотей,
Заточите, пожалуй, стилу
Для примечания где-нибудь на полях.
Тратится жизнь, мол,
На всякое барахло.
Если не грош цена ей,
То максимум два рубля.
Перемываются кости
С грязным бельем заодно.
Мир гигиена спасает,
А красота – на десерт.
В будущем недалёком
Пока что довольно темно.
Зато недалекого прошлого
С лихвою досталось бы всем.
Да, обворована память.
Вот и приходится врать.
Разве в библиотеке
Правду возьмешь напрокат?
А всё равно неохота
Прежде других умирать...
Ни хорошо на душе, ни плохо.
Просто – никак.

«Нынче поздно весна заглянула к нам...»

Нынче поздно весна заглянула к нам,
Как в прицел, в перекрестье координат.
Мы уж было подумали – всё, хана,
Год не делится больше на времена.

И решили внимание не заострять.
Поживём – увидим. И вдругорядь
Хорошо, если некому станет нить,
Что опять не хватило на всех весны.

Но ошиблись. По лужам март захромал.
Как всегда, перед смертью успела зима
Самых лучших в попутчики присмотреть.
И оставила нас на отстрел сестре.

Весёлая карусель

Опустели стопки.
Поседали сопки.
Стужа поселилась
В паровозной топке
Всенощных страданий.
Боль дорогой дальней
Утолишь едва ли.
В общем, трали-вали,
Гражданин приятель.
Впредь подснежный ягель
Добывай копытом.
Способ сей испытан,
И весьма заманчив.
Шевелись, мой мальчик.
Страх не запретили.
В общем – тили-тили.

«У меня на кухне гроза...»

У меня на кухне гроза.
Не поверят, кому рассказать.
Только фыркнут: «Допился, жлоб!
Это просто течёт потолок,
И розетки искрят потому.
Так что радость твоя ни к чему.
Вот же, дурень, нашёл чудеса.
Ты нас, бешеный, не покусай
Ненароком. Уймись поскорей,
Алкоголик. Гроза в январе!»
И давай участковым стращать.
В перспективе – дежурная часть.
Там, конечно, не станут хамить.
Замурован двойными дверьми,
Наблюдаю воды торжество.
Я и вправду немного того?
Или сверху сосед – обормот?
Или выстрадал срочный ремонт
Мой, испуганный ранью весны,
Личный космос – четыре стены?

«Скоморохи постарели...»

Скоморохи постарели.
Разбрелися по округе.
На полатях кости греют.
Съели праздничную ругань
Отскандалившие бубны.
Колокольчик желторотый
Пересмешничать не будет.
Разве что царапнет робко
Безголосая жалейка —
Надоевшая отрада,
Духоту набитой клетки
Заливая мутной брагой.

«Когда стихнут крики: «Уймись!...»

Когда стихнут крики: «Уймись!»
И отменят приказ: «Повзрослей!»,
Когда надоест глотать
Цитат резиновый клей,
Не убегай!
Подожди!
Загляни в старый дом за рекой,
Там лежат
Шкуры маленьких медвежат.
Помнишь, ты их задушил
Ещё не окрепшей рукой?

«Взять бы тачку, да покруче...»

Взять бы тачку, да покруче.
И уехать далеко,
Полагаясь лишь на случай,
Хоть счастливый, хоть какой.

Моментально растратить
Бесполезные гроши.
Колесить, давая жизни,
Восвояси не спешить.

Прямиком, не маскируясь,
Всем гаишникам сказать,
Дескать, выдумали трусы
У машины тормоза.

И лететь как угорелый,
Это время проскочив,
Где тихонько я старею
И выслуживаю чин,

Что считается удачей.
А кому не повезло,
Тот и впрямь катает тачку.
Или, мучая кайло,

Помирать, зараза, медлит.
На родимой стороне,
Кроме Ваньки и Емели,
Целиком фартовых нет.

Всякий третий, братцы, лишний.
Облизнувшись на калач,
Прикуси губу, счастливчик,
Знай себе терпи, не плачь.

«Обломали Обломова за вселенскую лень...»

Обломали Обломова за вселенскую лень.
Наказали Базарова по причине обратной.
И с трибун, источая улыбок елей,
Утверждали, что люди практически братья.

Как родных поминали – об этом молчок.
За себя и за всех недоумков протухших
Молотили железо, пока горячо,
От голодных фантазий съезжая с катушек,

Ибо завтрашним бредили, в яри атак
Не считая погибель жестокой потерей.
А когда вдруг состарились, этак и так
Вышивали на фоне высоких материй

О великой стране, где предательства нет,
Где прислуга, решая вопрос с королями,
Триумфальную арку пробила в стене,
У которой тебя и меня расстреляли.

«Отпускные бесследно канули...»

Отпускные бесследно канули.
На полгода вперед – зима.
Я беседую с тараканами,
Потому что клопов нема.

Я и этих морил ответственно,
Но привыкли они, ей-ей.
Значит, школа у них советская,
Одинаковая с моей.

Как положено, неразлучны мы.
Утомилась ругать меня
Своевременными получками
Не обласканная родня

За общение с паразитами:
– Нет бы к ногтю прищельцев, хватить!
Доморощенным инквизиторам
Лишь бы гадостью поливать,

Приписав мне досужий вымысел
(Ты зазря на рожон не лезь!),
Будто из дому сор не вынесен,
И собака зарыта здесь,

И так далее – околесица.
Только крикнул бы кто: «Ай-да!»
Я бы в двери и вниз по лестнице,
И добром уже никогда

Восвояси – почти безумные,
Где природа берёт своё,
Где торгует осипшим зуммером
Телефонное деловьё,

Где повесить, кажись, болтался бы
В углекислых мечтах топор.
Фермопилы, жильё спартанское,
Неприступные до сих пор.

Рецепт исполнения желаний

Хочешь увидеть небо? Так пей до дна.
Выйти в эфир мечтаешь? Открой окно.
Лишь бы попалась нужной длины волна,
Лишь бы у чаши не прохудилось дно.
Шансы и в этом случае не Бог весть:
Взгляд с первым залпом сплющив о потолок,
Вскоре опять придется на стенку лезть,
Если законопачен оконный блок.

Дело, оно, конечно, в себе самом,
Только себя попробуй-ка одолей!
Мусор морзянки азбучных аксиом
Кровь превращает в полузасохший клей.
Слову предпочитающие число,
Не разделяю вашего торжества,
В силу того, что с миром произошло:
Ишь голоса повсюду, а речь мертва!

Господи! Ну, почто сколько лет насквозь,
Не унимаясь, шпарить «Полёт шмеля»?
Бестолочь! Дрянь! Морока! Да на авось
Страшно всё бросить, страшно начать с нуля!
И, не пытаясь будущее спасти,
Не отменяя прожитое долой,

Право на покаяние обрести
Или же счесть анафему похвалой.

Вот и живу я, будто себе во вред,
Не отзываясь толком на злобу дня.
Мой повидавший виды автопортрет
Многие хают, даже подчас родня.
Грех обижаться – экие пустяки!
Каждый упрек по-своему справедлив.
Целы покуда шейные позвонки!
Небом подернут яблок глазных налив.

Новогоднее

Календарь нарочно сладил
Педантичный маг,
День, укладывая на день
В папку для бумаг:
Лист январский, лист весенний,
Листья всех мастей;
Хорошо, что воскресений
Меньше, чем смертей,
Ибо люди мы простые:
Вряд ли от сохи,
Но страстишки не остыли —
Замолить грехи;
Кто с наваром, кто в прогаре...
Вследствие поста
Не единожды солгали,
Тяжестью креста
Исцелив сомненья в корне:
Знай себе, живи.
Впрок навязчиво покорны
Взвешенной любви
К послесвадебным печалям
(Зелен виноград),
Мы в упор не замечаем
Истинных утрат.

Хорошо, что есть в продаже
Вечные клише.
Хорошо бы (очень даже)
Шаркнуть по душе,
Потому, что мы, бухие,
Иногда не врём.
Не чернилами в архиве,
Кровью обagrён
Тяжкий вздох: «Что было – было,
Бывшим исполать».
Славно, если впрямь на мыло
Смогут посылать
Лишь судейских на футболе
Ради озорства.
До оскомины, до боли
Чавкая сперва
О родимом пепелище
(Тоже ремесло:
Ничего себе жилище,
Да и барахло
Как в америке-европе —
Пройденный этап),
И в отечестве пророки
Пополняют штат
Наречённых мастерами,
Коиx жаль порой.
Хорошо, что я не вправе
На успех сырой.
Мне совсем иные сласти

Определены.

И пока ещё ни властью

Сказочной страны,

Ни тем более народом

(И на том поклон)

Я не куплен и не продан.

Значит, поделом

И друзей осталось мало

Нынче у меня.

Между нами нет обмана,

В сущности родня.

В этом смысле я везучий

(И насчёт семьи);

И, конечно, гад ползучий,

Раз уж в год змеи

Довелось на свет явиться —

Факт неоспорим.

Бог с ним, с *veni-vedi-vici*,

Благо третий Рим

Отрыгнул щенка когда-то,

Повторять не след.

Столь трагическая дата

За пятнадцать лет

Истрепалась совершенно —

Вот такой бином.

Пусть метель-подруга, шельма,

Хнычет за окном,

Предвкушая високосный

(Ишь разобрало!),

Рвёт нечёсанные космы,
Бьётся о стекло
С явно праздничным настроем.
То-то все гульнут...
Под столом лежать героям
Без пяти минут.

Застольное

Бьёт веселье через край
Окаянного сиротства.
Подожди, не умирай,
Это нынче слишком просто
В нашем городе, больном
Бесприютными ночами.
Лучше хлебом и вином
Утоли свои печали,
Оставаясь до утра
Не в себе (совсем немного).
Пусть гнилая конура,
Пусть настырная зазноба
(Слава богу, не твоя,
И глаза бы не смотрели!),
Пусть старинные друзья
В самом деле постарели;
Да и ты уже не тот
(Кто пахал – тот рысью вряд ли);
Ну и ладно. Все тип-топ.
Здесь крамольные порядки
В моде сутки напролёт.
Хочешь – плачь, а хочешь – смейся;
Участковому поклеп
Коммунальное семейство

В устной форме возведёт
(Только правду, как ни странно).
В общем, грязь свинью найдёт,
Значит, поздно или рано,
Умываючись хулой
(Нешто, дурень, ждал награды?),
Неприкаянный и злой
(Чем богаты, тем и рады),
Ты покинешь склочный мир.
Нам единственно бывает
Белый свет ужасно мил,
Если сразу наливают.

«Царство вечных вещей...»

Царство вечных вещей.
Мир бетонных пещер.
Лабиринта стандарт.
В тесноте пустота.
Околел Минотавр
Неизвестно когда.

Средь житейских морей
Ариадне стареть,
Проклинать берега,
Где афинский плеябой,
Обещая любовь,
Ей наставил рога.

Будни острова Крит:
Тараканов морить
Да соседей гонять.
От гнилого вина
Два родимых пятна —
Суэта и брехня —

Только пуще цветут.
И всегда тут как тут
Олимпийская рать,

И не бог, так герой,
Все одно – домострой,
Где ж других понабрать?

Рассуждать не берусь.
Здесь со всеми Прокруст
Позабавился всласть.
Лишь старик Диоген
На короткой ноге
С предрержащими власть.

Век живи, век учись.
И постель, и харчи
За ошейник раба.
Дёрнешь цепь – не порвать.
Сам такую ковал.
Ах ты, дура-губа.

«Волчья тропа с понедельника до субботы...»

Волчья тропа с понедельника до субботы,
То есть до вечера пятницы. Путь с работы
Необязательно к дому и вспять с рассветом.
Краткие передышки на отпуск летом
(Если удачный график) плюс двое суток
Еженедельно. Не потерять рассудок —
Значит, сойти с ума (что по Свифту – благо),
Да и сорваться в штопор, с эпохой слада
Не находя. А впрочем, сие опасно,
Ибо у тел человеческих нет запаса
Прочности, достаточного для встречи
Даже с землёю вспаханной. Недалече
Встреча такая, когда не имеешь стажа
Чокнутого (в высшей степени) пилотажа
Вне общепринятых времени и пространства.
В лучшем итоге – траурное убранство
И некролог – от силы абзац петитом.
Людям нормальным якшаться с подобным типом
Обременительно (проще сказать – противно).
Маленьких радостей светская паутина,
Память шельмуя, покончит с фальшивой болью.
Но в гамаке не согрешить любовью
(Дело пытая или потехи ради!)

Вряд ли возможно. Сколь ни трещали пряди,
Сети целее новых. Народу – валом...
Жизнь, ведь ты не казалась мне карнавалом!
Так ли я глуп? Воистину мудрый возглас!
Вот он – его величество средний возраст
В тесном камзоле кухонной истерии.
Рухнуть бы в самые недра периферии
(Глубже теперешних), дабы леса, озёра,
Звери и птицы, коим не знать позора
Собственной слабости, ветра фальцет истошный,
Ярость буржуйки и котелок с картошкой
Мне помогли очнуться и вспомнить, кто я.
Время швыряет камни в ведро пустое
(Нет бы песок гонять и гонять в стекляшке).
Старятся и ломаются неваляшки,
Прежде удар державшие будьте-нате.
И принадлежность к местной служилой знати
Отягощает мерзостью очень скоро,
Голос употребивших на благо хора,
Сольное позабывших своё звучанье.
Волей-неволей скатываясь в молчанье,
И капитал сохраняешь и кстати чрево
В полном ажуре. Шляясь порой налево,
Правифланговые тонут в стакане мутном.
Знать бы, с чего это лезет на стенку утром
Солнечный зайчик, не опасаясь серым
Вновь показаться гражданам окоселым.

«Граждане, рысью!»

Граждане, рысью!
Похоть взнуздав корыстью!
Жми до упора!
Всякая пятка – шпора!
Выйди, историк!
Свечку держать не стоит.
Нынче избыток
Заживо позабытых.

Вот нищebroды,
Все – наивысшей пробы!
Этих задрали
Волки лесной морали.
Знать, у приматов,
Даже совсем лохматых,
Определённо —
Шкуре не быть дублёной.

Деньги на бочку!
Я паренёк рабочий,
Где-то за тридцать
(Можем договориться).
Лишь с похмелюги
Не доставайте... Люди!

Кружечку пива!
Зелень – тоска – крапива

Тоже наркотик.
Прежде носивший кортик,
Клянчит на шило,
Дескать, совсем паршиво
Тянется лямка!
Нет бы: с утра гулянка;
Брезгуя ланчем,
В сетку пулять воланчик

С барышней томной...
Таинство бадминтона —
Светская прелесть.
Ладно, мамзель, согрелись —
Не согрелили.
Следует мыслить шире,
Вне трафарета!
Где же моя карета?

Не докричаться...
Шпарит по шпалам Чацкий.
Самое время
К дедушке на деревню:
Поиздержался...
Пленники дилижанса
Вышибли зайца,
Дабы родным казался

Блеф зазеркалья:
Тявкают по-шакалы
Звёзды экрана.
Каждый имеет право
Круглые сутки.
Модные предрассудки.
Брачные планы.
И под сироп рекламы

Известь известий.
Ставшие грузом 200
Не помешают
(Благо страна большая)
Стаям вороньим,
Якобы посторонним,
После обеда
Торжествовать победу.

«Вновь ни выдоха, ни вдоха...»

Вновь ни выдоха, ни вдоха
Просто так.
По рукам пошла эпоха
За пятак,
Ну, а я, с пеленок
Радостный пострел,
Выбиваясь из силёнок,
Постарел,
От сомнительных новаций
Пришлых лет
Продолжая зарываться
В интеллект,
Впрочем, брезгуя
Подсчетами *ай-кью*;
А житуху (ох, нетрезвую!)
Свою
Не по правилам,
Диктуемым извне,
Перекраивал.
О стати и длине
Думать поздно было.
Правду говоря,
Так штормило! —
Не держали якоря.

Мне бы к берегу скорее,
Но куда?!

Маяки дотла сгорели
Со стыда,
И зрители, изъяз
Тоску из глаз,
Оскоромились в боях
За средний класс,
Мол, нишкни,
С чего бы это о святом?

Вышивая дни
Кладбищенским крестом,
Наступало мне на горло
Бытиё...

Всё прогоркло:
И ухмылки, и нытьё,
И карьерные
Срамные кренделя.
Лишь, наверное,
Родимая земля
Охладила
Лихоманку-круговерть.
Невредимым,
На расстеленную твердь
Лёг я – руки пораскинул —
Средь полей!

И любясь в небе клином
Журавлей,
Обминал цветы и травы

День-деньской.
Говорят, я с виду бравый,
Городской,
Для плаката «Угоди
Хоть под трамвай!» —
Знай фасон блюда
И впредь преуспевай!
Только с виду...
Сей оптический изъян
(Не в обиду
Посторонним и друзьям) —
Тень открытого забрала
Детских снов.
Но отнюдь не помирала,
Вновь и вновь
Разъедая тeneвую благодать,
Вера в то, что ни в какую
Не продать, —
Не купить ни в коем случае,
(Шалишь!)
Наши вотчины дремучие.
Париж,
Очевидно, стоил мессы
Королю.
Внук крестьянский, местный,
Я уж потерплю,
Не марая в бухгалтерии
Чело,
Коль в империи

Родиться повезло,
Где со временем истлею
Просто так...
Оттого едва ль сомлею
За пятак.

Фрагмент биографии

Хлещет снег. Немудрено,
Что в глазах черным-черно.
Средь насадной белизны
Стали б ангелы грязны,
Кабы жили на земле.
В чумовой слепящей мгле
Никому не нужен грим.
Всё равно шальной Гольфстрим
Слижет маску без труда.
Втайне тлея от стыда
(Вроде, совесть начеку),
Поплетусь ломать башку
В геометриях забот.
Вот уж сорок первый год
Аз присутствую в миру
(Где продамся, где совру,
Извернувшись половчей),
Стихоплёт и книгочей,
И едва ли мушкетёр
(Лишь язык порой остёр),
Порываюсь, как могу,
Заколачивать деньги,
Да выходит толку пшик.
Может, впрямь я лыком шит?

Иль себя впустую сжёт,
К той, что рубль бережёт,
Подрядившись на поклон?
Нет бы – к барышне с веслом!
Сам же, помнится, ваял!
Оказалось: материал
Далеко не пластилин.
Нынче комом всякий блин,
Но свалять снеговика
Не поднимется рука,
А тем паче обе-две.
Тараканы в голове
Копошатся день-деньской.
Блоку снившийся покой
Мне и ночью не грозит.
Круглосуточный транзит
До последнего прости,
Сквозь надежду расплести
Корни выбитых зубов.
В перспективе (видит Бог!)
Рай собеса и клюка.
За помятые бока
*Поощрение*в не жду.
Нешто в будущем году?
Впрочем, ладно, поглядим,
Из числа сорок один
Извлекая, что война
Очень скоро начина...

Пунктир

Осень. Ни ночи, ни дня.
Ни убежать, ни вернуться.
Даже кукушка в часах,
Сколько мне жить, не ответит.

Кухонный мой монастырь,
Пасынок русского поля.
Да и варшавское гетто
Где-то поблизости строят.

Самый обычный театр,
Виселица в прихожей.
Странно, когда на кресте
Крылья мечтают расправить.

Цепкая поступь свободы
Именно здесь ощутима:
Шаг (на четыре звена)
В ритме кандалной цепи.

Вдруг оказавшийся нищим,
Ветер затравленно стонет
И набивает карманы
Памятью павшей листвы.

Сотни изношенных лиц,
Стёртые в пальцах монет.
Сходство особых примет
В полном отсутствии оных.

Вечные стужа и тьма.
Не разбирая дороги,
Просят огня батальоны.
Не о чем больше просить.

Свой средь своих и чужих.
Шапка (вестимо) по Сеньке.
Не задымит, не займётся;
Да и поджечь не посмеют.

Вновь тишина поперхнулась
Крошками чёрствого сердца.
Более крепким соседям
Не возбраняется спать.

Слушай! И не говори,
Будто не слышал. Иначе,
Вслед за утраченным слухом,
О языке позабудь.

Подлая штука – печать.
Вечная мель трафарета.
Прописью, прописью, брат;

Зыбкий, неведомый путь.

Только избитый капелью,
Соображать начинаешь,
Как над тобой посмеялась
Вскрывшая вены зима.

«Снег за окном липкой стеной...»

Снег за окном липкой стеной.
В тряских руках расплескалось вино.
Тащится поезд на станцию Дно
Мимо платформы очередной.

Чем на платформе торчать дураком,
Лучше в купе, где ты с каждым знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.